

Хань Юй посмотрел на маленькую девочку, прятвшуюся под одеялом.

Он был сильно ранен, и сделать с ней что-либо было невозможно. Иначе он действительно выгнал бы ее вместе с простыней.

Но глядя в ее черные, как виноград, глаза, он был ошеломлен и не мог рассердиться.

Он был слишком снисходителен к ней.

Он посмотрел вниз на девушку, лежавшую на полу. Кто знает, кто пользовался этой простыней раньше, но она действительно использовала ее, чтобы прикрыть лицо.

"Не закрывай рот".

Линь Сяоча стянул одеяло с ее носа.

Она легонько прикусила губу и посмотрела на него.

Хань Юй заметил, что она очень любит покусывать губы. Ее рот был маленьким, но очень пухлым, как будто в нем была вода. Казалось, что если она прикусит губу сильнее, из нее брызнет сладкий сок, как из спелой вишни, которую так и тянет попробовать.

"Не кусай губу".

Линь Сяоча, казалось, понял, что она кусает губу, и отодвинул нижнюю губу от верхних зубов.

Она настороженно смотрела на него.

У нее было такое выражение лица, будто она может выслушать его во всем, но в этом вопросе она не пойдет на компромисс.

Они смотрели друг на друга с минуту, и Хань Юй отвел взгляд.

Лунный свет за окном тускло освещал помещение, и от этого он казался еще холоднее.

Он выглядел как человек, который прямолинеен и строг, отвергающий людей за тысячи миль.

Линь Сяоча поняла, что не может сделать ничего лучше, чем молчать.

Из двух людей кто-то один всегда должен идти на компромисс.

Поэтому Линь Сяоча прошептала: "Сяньцзюнь, я не могу уснуть".

Хань Юй: ...

Он не знал, что у нее так много хитростей.

Он глубоко вздохнул и спросил "Зачем ты это делаешь?".

Линь Сяоча повернулась и прислонилась к боку. Она положила руку на свое маленькое лицо и моргнула: "Я просто хочу посмотреть на твою травму".

"Зачем?"

Ее ресницы затрепетали, и она неторопливо ответила: "Сначала ты был ранен, чтобы спасти меня. А потом я попросила тебя спасти Цзинь Сюаньэр, и от этого твоя травма стала еще хуже. Меня мучает совесть. Я хочу посмотреть на это и дать тебе лекарство".

"Это не имеет к тебе никакого отношения". легкомысленно ответил Хань Юй.

Он сделал все для того, чтобы убить Короля Демонов. Что касается жертвы, то независимо от того, кто это был, он бы спас их.

Но Цзинь Сюань'эр...

Это действительно было связано с ней.

Если бы она не попросила его, он бы не стал спасать людей в Лесу Десяти Тысяч Демонов.

Однако это было его решение, поэтому ей не нужно было чувствовать себя виноватой.

Он закрыл глаза.

Аромат чая от ее тела беспокоил его и не давал спокойно уснуть.

Рана на спине тоже начала болеть, и было неудобно прикладывать лекарство самостоятельно.

Наконец, он открыл глаза.

"Иди сюда". сказал он низким голосом.

Глаза Линь Сяоча загорелись, и она тут же села.

"Сяньцзюнь?"

Хань Юй взглянул на ее лицо: "Разве ты не хочешь посмотреть на мою рану?"

Линь Сяоча торопливо кивнула и забралась на кровать.

Хань Юй: ...

"Слезай".

"Но как я смогу раздеть тебя, если слезу?"

Хань Юй: ...

"Не нужно".

Когда он это сказал, Линь Сяоча смутно услышала, что он стиснул зубы.

Она чувствовала, что такие эмоции не очень хорошо сочетаются с ним.

Линь Сяоча согласилась, но не встала с кровати. Она просто села на край кровати.

Остекленевшие глаза Хань Юя стали еще глубже.

Он положил руку на пояс и сильно потянул за него. Он снял его и бросил на кровать.

От этого действия лицо Линь Сяоча слегка покраснело.

Хань Юй посмотрел на нее.

Она жаждала увидеть его раны. Он подумал, что она не стесняется.

Он снял халат.

Затем он снял повязку, чтобы остановить кровотечение, и увидел хорошо сложенную и сильную верхнюю часть тела.

Линь Сяоча поспешно опустила голову, увидев эту сцену.

Хань Юй почувствовал себя немного принужденным и рассерженным из-за этого, но, глядя на ее робкий и нервный взгляд, он вернулся к своему прежнему спокойствию.

Он поставил перед ней фарфоровую бутылку.

" Намажь лекарство".

Линь Сяоча не осмелилась поднять глаза и протянула руку, чтобы дотронуться до фарфоровой бутылочки, но случайно коснулась его руки.

Он почувствовал, что его снова ударило током.

От прикосновения ее маленьких мягких рук Хань Юй снова почувствовал тревогу.

Он использовал свою духовную силу, чтобы прижать ее к себе.

В этот момент она подняла голову. Ее маленькое личико покраснело, она выглядела застенчивой и милой.

Она взяла фарфоровую бутылочку и села позади Хань Юя, чтобы дать ему лекарство.

Его кожа была как холодный нефрит, гладкая и нежная, но линии мышц были очень напряжены.

Линь Сяоча была поражена, когда раздела его догола в могильнике. У него была такая возбуждающая гормоны фигура под таким бессмертным обликом.

Температура его тела была ниже, чем у обычных людей, и это очень охлаждало.

Но Линь Сяоча подумала о прогрессе в 0% и была немного недовольна. Он совсем не чувствовал себя разгоряченным?

Неужели его сердце совершенно не дрогнуло?

Но я такая милая и красивая.

"Сяньцзюнь, тебе больно?" - спросила она.

"Хорошо нанеси лекарство и не отвлекайся".

"О~ Если будет больно, я могу тебе подуть".

"Нет".

"О~"

Но Линь Сяоча не была послушным и честным человеком. Ей нравилось постоянно проверять других на прочность.

Поэтому она тихо прислонилась к его спине и дунула.

Хань Юй ощутил ее прохладное дыхание, и тут же почувствовал, что его спина онемела, словно ее ударило током.

Жар, который он терпел долгое время, устремился вверх.

Он повернулся и поймал ее тонкую руку.

В его равнодушных глазах плескался гнев.

Линь Сяоча поспешно взмолилась о пощаде.

"Я была не права, я была не права. Я больше никогда не посмею так сделать."

Хань Юй смотрел на нее с жалким и озорным видом, а зубы у него чесались.

Он смотрел на ее маленький нежный ротик, молящий о пощаде, и его сердце защемило.

Он потянул ее вверх. Когда он повернулся, Сяоча почти коснулась его лица.

В ноздри ударил холодный запах кедра, а янтарные глаза смотрели прямо на нее.

Она поняла, что он действительно похож на нефрит, его глаза были подобны холодной звезде, а сам он был безупречен.

Хань Юй посмотрел на лицо размером с ладонь.

Испуганные глаза, похожие на олени, смотрели на него робко, как будто с них вот-вот польется вода.

Аромат чая из ее рта донесся до его лица.

Холодная кожа Хань Юя начала постепенно нагреваться.

Его адамово яблоко перекачивалось вверх-вниз.

Во всей комнате вдруг возникла двусмысленная атмосфера.

Линь Сяоча ждала, когда он потеряет контроль над собой.

Но Хань Юй никогда бы не потерял себя из-за шалости маленькой девочки.

Придя в себя, он отпустил ее. Он повернулся, стянул одежду и надел ее. Он был спокоен и молчалив.

Атмосфера снова стала мрачной, и во всей комнате стало так тихо, что можно было услышать, как падает булавка.

Линь Сяоча сменила позицию. Она села напротив него и нарушила тишину.

Она потянула за угол его одежды: "Сяньцзюнь, я была не права, не сердись".

Хань Юй все еще молчал, он действительно чувствовал необъяснимую злость, но не на нее.

Он был расстроен тем, что на мгновение потерял контроль над собой.

Он встал с кровати, его одежда была наполовину распахнута.

Он раскрыл ладони: "Пояс".

Линь Сяоча торопливо протянул обе руки к поясу, который он бросил рядом с кроватью.

Взяв пояс, он не спеша застегнул свой безупречный белый халат. Затем он ступил на пол и прошел мимо нее, чтобы сесть за стол.

Он достал из пространственной сумки чайный набор и налил в заварочный чайник немного духовной бамбуковой воды.

Он щелкнул пальцами, и в печке под чайником зажегся огонь.

Линь Сяоча никак не ожидал, что кто-то принесет свой собственный чайный набор.

Насколько он любил чай?

Линь Сяоча посмотрела на его недоброжелательное лицо из кубиков льда и подумала, не сердится ли он.

Поэтому она осторожно подошла к нему, готовая загладить свою вину.

Она не хотела, чтобы благосклонность, которая изначально была "0", превратилась в отрицательное число.

Она пошла за чайником и приготовилась налить ему чай.

Как только она коснулась пальцами ручки чайника, Хань Юй схватил ее за пальцы.

Горячее, пронзительное тепло ее пальцев и приятная холодность его ладони заставили сердце Линь Сяоча затрепетать.

У него были тонкие пальцы с выразительными суставами, что делало его руки очень красивыми.

И это ощущение холода и тепла было мгновенно вырвано у него.

Он мгновенно отпустил ее руки.

Линь Сяоча отняла руку, поднесла ее ко рту и осторожно подула.

Как горячо!

Он подошел, чтобы поймать ее руку, потому что боялся, что она ошпарится.

Она благодарно посмотрела на Хань Юя: "Спасибо, Сяньцзюнь".

Хань Юй опустил голову и тихо хмыкнул.

Он взял в руки чайник и небрежно налил чай.

Посмотрев на него, Линь Сяоча подумала, что он не выглядит сердитым, и почувствовала облегчение.

"Сяньцзюнь! Ты не боишься, что тебя ошпарит?"

Хань Юй сделал глоток дымящегося чая, чтобы ответить на ее вопрос.

Линь Сяоча открыла абрикосовые глаза и смотрела, как он пьет горячий чай.

Она почувствовала боль во рту.

Неужели у главного героя-мужчины есть противоожоговый встроенный аппарат?

Линь Сяоча пододвинула стул и села рядом с ним, послушно наблюдая, как он пьет чай.

Ночь была уже глубокой.

Этот дом был не маленький, в нем было несколько комнат. Хань Юй увидел, что она не собирается уходить, и перевел взгляд на ее лицо, которое, казалось, отталкивало ее.

Линь Сяоча пристально посмотрела на него: "Сяньцзюнь, этот дом так хорош, но хозяин готов его бросить. Должно быть, здесь часто нападают демоны и звери. Я слабая женщина, у меня нет сил даже удерживать цыплят. Боюсь, если я буду спать одна, это будет опасно".

Хань Юй впервые слышал, чтобы кто-то утверждал, что он слабая женщина, у которой нет силы удерживать цыплят.

"И что?"

Линь Сяоча опустила глаза: "Я хочу спать здесь".

Хань Юй не удивился, но промолчал.

Линь Сяоча встала: "Я сплю очень тихо и не потревожу тебя, правда".

Хань Юй поставил свою чашку и легкомысленно сказал: "Я знаю".